

От цесаревича к царю, или Метаморфозы вхождения во власть Николая Второго

С. В. Куликов

Для цитирования: Куликов С. В. От цесаревича к царю, или Метаморфозы вхождения во власть Николая Второго // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 3. С. 807–822. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.316>

В статье рассматривается монография Д. А. Андреева «Самодержавие на переломе: 1894 год в истории династии и власти», вышедшая в 2022 г. в петербургском издательстве «Алетейя» и посвященная процессу превращения цесаревича Николая Александровича в царя Николая II. В монографии анализируются такие ключевые проблемы, как формирование бюрократической компетентности Николая Александровича; вопрос о политическом завещании Александра III сыну; восприятие междувластия 1894 г. представителями правящей элиты и оппозиционной общественности; отражение в конце 1894 г. отношений Николая II и его окружения в интерполяциях императрицы Александры Федоровны, делавшихся ею на страницах дневника супруга; обстоятельства первых крупных кадровых решений Николая II, каковыми стали увольнение министра путей сообщения А. К. Кривошеина и назначение его преемником князя М. И. Хилкова. Особое внимание в статье уделяется центральному сюжету монографии — речи Николая II, произнесенной им 17 января 1895 г. перед представителями сословного и местного самоуправлений. Традиционно считается, что в ней молодой царь позиционировал себя как ортодоксального консерватора, принципиально враждебного самой идее конституции и народного представительства. Между тем выводы Д. А. Андреева и вызванные ими размышления позволяют оспорить эту точку зрения, в том числе в связи с привлечением новых источников, не оказавшихся в поле зрения автора книги и его историографических предшественников. В статье делается вывод о том, что речь 17 января символизировала дистанцирование Николая II от земских деятелей, стремившихся к политизации местного самоуправления (что противоречило действовавшему закону), и от адептов парламентарного конституционализма, при котором, как в Англии, монарх царствует, но не правит. Иными словами, пресловутая речь не означала отказа царя от сотрудничества с лояльными земскими деятелями и от осуществления при этом реформаторского курса, нацеленного на постепенное преобразование государственного строя Российской империи.

Ключевые слова: самодержавие, царь, монарх, конституция, парламентаризм, либерализм, консерватизм, земское самоуправление, слухи.

Сергей Викторович Куликов — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Российская Федерация, 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7; sergeykulikov70@mail.ru

Sergey V. Kulikov — PhD (History), Senior Researcher, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 7, ul. Petrozavodskaya, St. Petersburg, 197110, Russian Federation; sergeykulikov70@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

From the Tsarevich to the Tsar, or the Metamorphosis of the Ascension of Nicholas the Second

S. V. Kulikov

For citation: Kulikov S. V. From the Tsarevich to the Tsar, or the Metamorphosis of the Ascension of Nicholas the Second. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 3, pp. 807–822. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.316> (In Russian)

The essay examines D. A. Andreev's monograph "Autocracy at a turning point: 1894 in the history of the dynasty and power" dedicated to the process of transformation of Tsarevich Nicholas Alexandrovich into Tsar Nicholas II. The monograph addresses the key problems of its topic: the formation of the bureaucratic competence of Nikolai Alexandrovich and the question of the political testament of Alexander III to his son; the perception of the interregnum of 1894 by representatives of the ruling elite and the oppositional public; the reflection on the relationships between Nicholas II and his entourage by Empress Alexandra Feodorovna on the pages of her husband's diary at the end of 1894; the circumstances of the first major personnel decisions of Nicholas II, which were the dismissal of the Minister of Railways A. K. Krivoshein and the appointment of Prince M. I. Khilkov as his successor. The paper draws a special attention to the central plot of the monograph — the speech of Nicholas II delivered on January 17, 1895, before representatives of the estate and local governments. The author of the essay comes to the conclusion that the January 17 speech symbolized the distancing of Nicholas II from the *zemstvo*, who sought to politicize local self-government, and from adherents of parliamentary constitutionalism, according to which, the monarch, as in England, "reigns, but does not rule". In other words, the notorious speech did not mean the tsar's refusal to cooperate with loyal *zemstvo* and to implement, at the same time, a reformist course aimed at gradually transformation the state system of the Russian Empire.

Keywords: autocracy, tsar, monarch, constitution, parliamentarism, liberalism, conservatism, *zemstvo* self-government, rumors.

За последние 35 лет в историографическом смысле императору Николаю II повезло и одновременно не повезло. Наконец-то его личная жизнь, особенно в семейном и религиозном аспектах, получила исчерпывающее изучение, в результате которого исследователи пришли к однозначному выводу, что последний самодержец — «хороший человек». Однако в постсоветской историографии, впрочем, как и в советской, да и зарубежной, государственная деятельность Николая II специально и беспристрастно почти не изучалась, но это не мешало и не мешает историкирующим публицистам утверждать или подразумевать, что он — «плохой правитель». Очевидно, что оценочные суждения, даже если они основываются на слухах, говорят об уровне профессионализма не столько последнего самодержца, сколько приходящих к подобным выводам историков. Любые оценки уместны только после изучения объекта оценивания, чего в случае с государственной деятельностью Николая II как раз и не наблюдается. Модернистская руморология и традиционное источниковедение удачно сочетаются в новаторской монографии Д. А. Андреева «Самодержавие на переломе: 1894 год в истории династии и власти»¹; новаторской — поскольку в ней впервые в историографии проблема «Николай II как правитель» рассматривается прежде всего в границах «длинного 1894 года», под которым имеется в виду период, начавшийся в январе 1894 и завершившийся в феврале 1895 г.

¹ Андреев Д. А. Самодержавие на переломе: 1894 год в истории династии и власти. СПб., 2022.

Д. А. Андреев обстоятельно анализирует формирование бюрократической компетентности цесаревича Николая Александровича и вопрос о политическом завещании Александра III сыну²; восприятие междувластия 1894 г. представителями правящей элиты и оппозиционной общественности³; отражение в конце 1894 г. отношений Николая II и его окружения в интерполяциях императрицы Александры Федоровны, делавшихся ею на страницах дневника супруга⁴; обстоятельства первых крупных кадровых решений Николая II, каковыми стали увольнение министра путей сообщения А. К. Кривошеина и назначение его преемником князя М. И. Хилкова⁵; наконец, историю известной царской речи 17 января 1895 г., произнесенной перед депутациями местного и сословного самоуправлений в Николаевском зале Зимнего дворца⁶. В рецензируемой монографии, как и в более ранней статье Д. А. Андреева⁷, именно последнему сюжету уделяется особое внимание, а потому позволительно остановится на нем более подробно, тем более что автор упустил из виду некоторые важные аспекты этого сюжета.

Традиционно считается, что в речи 17 января Николай II позиционировал себя как ортодоксального консерватора, принципиально враждебного самой идее конституции и народного представительства. Однако, признает Д. А. Андреев, после вступления молодого царя на престол «стали распространяться слухи, что он придерживается либеральных взглядов»⁸. Показательно в связи с этим, что 11 ноября (29 октября по ст. ст.) 1894 г. принц Уэльский Эдуард (будущий Эдуард VII), который присутствовал на похоронах Александра III, сообщал матери, королеве Виктории: «Ники все делает хорошо и правильно, но он, конечно же, очень робок и застенчив. Русский народ, вне всякого сомнения, глубоко предан и очень любит императора и его семью; и если Ники будет либеральным в своих взглядах и толерантным к своим подданным, он станет самым популярным правителем из всех, кого знала эта страна»⁹. Более того, в конце декабря 1894 г. со слов генерала Г. Г. Даниловича, воспитателя Николая Александровича, чиновник Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов Н. И. Самойлович говорил в салоне генерала Е. В. Богдановича, что «у молодого царя очень широкий взгляд», «он будет либерального направления» и «поведет Россию по пути прогресса»¹⁰. Что же подразумевал Данилович под «прогрессом»?

Непосредственно после воцарения Николая II начальник Канцелярии Комитета министров А. Н. Куломзин говорил генералу, что «для спокойствия царя и царства желательно было бы приступить к преобразованию государственного строя в конституционный, чего ожидают уже два царствования все сознательные слои общества». Данилович не возражал Куломзину, но настаивал на том, что «край-

² Там же. С. 32–68.

³ Там же. С. 69–87.

⁴ Там же. С. 88–126.

⁵ Там же. С. 127–167.

⁶ Там же. С. 168–211.

⁷ Андреев Д. А. Как мечтания из «безумных» стали «бессмысленными»: к истории речи императора Николая II 17 января 1895 г. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: «История. Регионоведение. Международные отношения». 2011. № 2 (20). С. 36–44.

⁸ Андреев Д. А. Самодержавие на переломе. С. 168.

⁹ Клей К. Король, кайзер, царь. Три монарших кузена, которые привели мир к войне. М., 2009. С. 144.

¹⁰ Андреев Д. А. Самодержавие на переломе. С. 184.

не важно, чтобы не было крутого поворота в нашей внутренней политике», и что «всякие старания в этом направлении удачи иметь не будут»¹¹. Судя по всему, генерал, а значит, и его августейший воспитанник, являлся сторонником учреждения в России конституционной монархии, однако считал, что делать это надо постепенно, эволюционно.

Представления Николая II о самодержавии, конституции и народном представительстве детерминировались государственно-правовым дискурсом конца XIX — начала XX в., в контексте которого различались парламентарные и дуалистические конституционные монархии. При парламентарной конституции, основанной на принципе народного суверенитета (верховенства) и существующей в неписаной форме в Великобритании, монарх царствует, но не правит, так как правительство зависит от парламента, а не короля. При дуалистической конституции, которая базировалась на принципе монархического суверенитета и функционировала в Германской империи и во входивших в нее 22 монархиях, император и король не только царствовал, но и правил, поскольку правительство зависело от него, а не от парламента¹². «Самодержавный строй, — подчеркивал в 1904 г. публицист Н. И. Черняев, — основан на предположении, что монарх не только царствует, но и правит; что от него непосредственно исходит инициатива решения вопросов; что государственный корабль направляется не только его именем, но **им самим**; что он крепко держит руль в своих руках»¹³. Годом позже сенатор Г. А. Евреинов указывал: «Самодержавие находит свое главное выражение в правлении... Самодержавию противопоставляется парламентаризм, когда правительство должно быть взято монархом обязательно в большинстве представительного собрания и обязано сложить власть помимо воли главы государства, когда лишится доверия этого большинства»¹⁴. Самодержавие, понимаемое как монархический суверенитет, противопоставлялось атрибуту народного суверенитета — парламентаризму, то есть зависимости правительства от парламента, тем более что при парламентаризме монарх царствует, но не правит.

Отношение Николая II к парламентаризму сформировалось под влиянием обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева, который преподавал наследнику юридические науки и характеризовал народное представительство как «средство, организованное прежде всего и оправдавшее себя успехом в Англии», откуда оно, «по установившейся моде», перешло в другие страны Европы, но «привилось с успехом, по прямому преданию и праву» только в США. По мнению Победоносцева, в славянские государства (Болгарию и Сербию), Румынию и Грецию представительные учреждения «внесли сразу разлагающее начало народной жизни, представляя из себя в иных случаях жалкую карикатуру Запада, напоминающую басню Крылова “Мартышка и очки”». Так как «германские и австрийские конституции все исходят от монархической власти», то они, отмечал обер-прокурор,

¹¹ Куломзин А. Н. Пережитое. Воспоминания. М., 2016. С. 502.

¹² Куликов С. В. Государственно-правовой дискурс, императорское правительство и думская оппозиция в начале XX в. // Власть, общество и реформы в России (XVI — начало XX в.). СПб., 2004. С. 283–285.

¹³ Черняев Н. И. Из записной книжки русского монархиста // Черняев Н. И. Мистика, идеалы и поэзия русского самодержавия. М., 1998. С. 370.

¹⁴ Евреинов Г. А. Реформа высших государственных учреждений России и народное представительство. СПб., 1905. С. 58.

«еще ждут суда своего от истории»¹⁵. Дуалистические конституции, в отличие от парламентарных конституций, Победоносцев не критиковал, поскольку, вопреки историографическому стереотипу, являлся противником не народного представительства как такового, а именно парламентаризма, причем применительно не к англо-саксонским, а к остальным странам.

С проектом парламентарной конституции Николай II получил возможность ознакомиться уже в самом начале своего царствования, однако данное обстоятельство не попало в поле зрения Д. А. Андреева. Между тем директор Департамента полиции генерал Н. И. Петров докладывал императору 2 ноября 1894 г.: «Скорбные события последнего времени вызвали оживление в среде русской “умеренно-либеральной” партии. Крайние фракции нашей западно-европейской эмиграции, не замедлившие прийти на помощь делу достижения конституционных гарантий, выразили свое содействие в последнем летучем листке “Фонда вольной русской прессы” в Лондоне, возвания, приглашающего все интеллигентные классы русского общества соединиться для твердого, хотя и сдержанного заявления, что народ желает принимать участие в определении собственных судеб». Петров имел в виду передовую статью «Регентство», помещенную в 11-м листке, изданном Комитетом Фонда вольной русской прессы в Лондоне 2 (14) октября 1894 г., то есть до смерти Александра III, последовавшей 20 октября. «Вслед за тем, — продолжал генерал, — на средства того же революционного Фонда был отпечатан присланный из России “проект русской конституции”»¹⁶. Этот проект Фонд опубликовал 19 (31) октября 1894 г. в качестве приложения к 11-му листку «На пороге нового царствования»¹⁷. «Настоящий проект конституции, — сообщала в примечании редакция листков, — вместе с предшествующим ему введением прислан нам из России в гектографированной копии». Редакция напечатала проект «без малейших изменений», хотя «в некоторых частях» он не соответствовал ее «воззрениям на предмет». «Оба эти издания, — подытоживал Петров, — направлены в отдельных пакетах в Россию на имя должностных лиц, общественных учреждений и проч. Благодаря, однако, своевременно принятым мерам почтовым учреждениям удалось задержать большое число пакетов с указанными революционными возваниями и тем в значительной степени предупредить распространение их в пределах Империи»¹⁸. При своем всеподданнейшем докладе генерал представил экземпляр проекта, автором которого являлся одесский адвокат Л. А. Куперник¹⁹.

Согласно проекту, называвшемуся «Основной государственный устав Российской империи», император, лишенный титула «самодержца» (вообще, все слова, производные от этого титула, также отсутствовали), являлся чисто декоративной фигурой, поскольку верховная власть осуществляли за него Палата народных представителей, областные сеймы, Государственный совет, Совет министров и Правительствующий сенат (ст. 1, 2). Над всеми этими учреждениями возвышался Земский

¹⁵ Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени // Победоносцев К. П. Сочинения. СПб., 1996. С. 292, 295, 298.

¹⁶ Кантор Р. М. «Истинная чепуха» // Русское прошлое. 1923. Т. 1. С. 139.

¹⁷ Степняк-Кравчинский С. М. Проект русской конституции (Составленный в России). 1895 г. // Степняк-Кравчинский С. М. Собр. соч.: в 6 ч. Ч. 6. СПб., 1919. С. 65–95.

¹⁸ Кантор Р. М. «Истинная чепуха». С. 139–140.

¹⁹ Ведерников В. В. Проблема парламентаризма в нелегальной публицистике либералов (1894–1900-е гг.) // Общественная мысль в России XIX в. Л., 1986. С. 215–228.

сбор (ст. 6), формировавшийся на основании всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права (ст. 7, 25–39) и выносивший (как таковой или в случае коллизий между перечисленными высшими учреждения) окончательные решения в области учредительной (ст. 1, 6), законодательной (ст. 6, 10, 49, 60, 61, 73), исполнительной (ст. 6) и судебной (ст. 6, 86, 87) властей. Права депутатов Земского собора отличались почти безграничной широтой (ст. 40–48) [Проект русской конституции 1908, с. 69, 71, 72–73, 76–83, 86, 88, 93]²⁰. По сути дела, в данном случае Земский собор являлся непериодически действующим Учредительным собранием, на что указывал В. В. Водовозов²¹. Более того, С. М. Степняк-Кравчинский полагал, что тут «Земский собор, в сущности, не Собор, а плебисцит — обращение к народу, который прямым голосованием отвечает на предложенные ему вопросы»²². Следовательно, Л. А. Куперник выступал за установление в огромной Российской империи плебисцитарной демократии, которая на тот момент существовала только в Швейцарии.

Император обязывался при вступлении на престол присягать конституции (ст. 3), в законодательстве пользовался правом не абсолютного, а суспензивного вето (ст. 59), формально считался главой исполнительной власти (ст. 62), но правил посредством Совета министров, ответственного перед Палатой народных представителей в политическом (ст. 22, 62) и судебном (ст. 77, 92) отношениях. Более того, статья 44 декларировала участие министров в заседаниях Палаты народных представителей и областных сеймов²³. Этому участию С. М. Степняк-Кравчинский придавал первостепенное значение, так как им «определяется, будут ли министры назначаться из числа народных представителей или нет. При праве министров участвовать в прениях, — отмечал он, — глава государства неминуемо вынужден выбрать своих министров из наиболее влиятельных ее вождей, чтобы обеспечить себе возможно большую поддержку палаты. Таким образом устанавливается косвенное, но решительное влияние народного представительства на все государственное управление»²⁴. Очевидно, Л. А. Куперник подразумевал как формальное, так и фактическое введение парламентарной системы.

Николай II, судя по всему, ознакомился со всеподданнейшим докладом и проектом 3 ноября 1894 г., когда отметил: «Утром читал доклады»²⁵. Тогда же царь начертил на проекте: «Истинная чепуха». «После такой резолюции, — резонно подчеркивал Р. М. Кантор, — нет ничего неожиданного в том, что спустя два с половиною месяца, 17 января 1895 г., на приеме представителей дворянства и земств, говоря о надеждах на конституцию (“истинной чепухе”), царь назвал их “бессмысленными мечтаниями”... То не было на лету схваченное, ставшее крылатым, выражение, а определенное своеобразно на словах формулированное убеждение, сложившееся задолго до того»²⁶. Несомненно, что следствием рассылки проекта общественным учреждениям, то есть прежде всего земствам, Николай II счел адреса, принятые

²⁰ Проект русской конституции (Составленный в России) // Степняк-Кравчинский С. М. Собр. соч.: в 6 ч. Ч. 6. СПб., 1919. С. 69, 71, 72–73, 76–83, 86, 88, 93.

²¹ Водовозов В. В. Предисловие // Там же. С. 19.

²² Степняк-Кравчинский С. М. Органические и случайные элементы в политических программах русских демократов // Там же. С. 60.

²³ Проект русской конституции. С. 69, 75–76, 85–86, 89, 94.

²⁴ Степняк-Кравчинский С. М. Органические и случайные элементы... С. 46.

²⁵ Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. Т. 1. М., 2011. С. 127.

²⁶ Кантор Р. М. «Истинная чепуха». С. 140.

по случаю его восшествия на престол и бракосочетания девятью либеральными губернскими земствами (Курским, Орловским, Полтавским, Саратовским, Тамбовским, Тверским, Тульским, Уфимским и Черниговским)²⁷.

Отвечая на вопрос о том, содержался ли в адресе Тверского земства «завуалированный намек на конституцию», Д. А. Андреев на основе анализа воспоминаний А. А. Кизеветтера, В. А. Маклакова, Ф. И. Родичева и П. Б. Струве пришел к выводу, что «точка зрения Кизеветтера, указывавшего на некие подтексты земских адресов, как минимум, имеет право на существование». По мнению Д. А. Андреева, конституционный подтекст отвечал не столько букве, сколько духу адресов, явившихся результатом давления, которое «пытались оказывать на престол сторонники либеральной корректировки правительственной политики»²⁸. То, что в Тверском адресе содержалось косвенное требование конституции, признал его автор Ф. И. Родичев, сообщивший: гласный В. Ф. Гаслер (впоследствии — председатель Тверской губернской земской управы) «не хотел подписывать адрес, ибо в нем нет прямого требования Конституции»²⁹.

Всеподданнейший доклад, посвященный земским адресам, министр внутренних дел И. Н. Дурново подал Николаю II 11 января 1895 г. В докладе Дурново сообщал, что не считает допустимым «повергать на всемилостивейшее благоволение» тверской адрес, и предложил объявить выговор исправляющему должность Тверского губернского земского собрания и некоторым уездным предводителям дворянства и запретить губернскому гласному Ф. И. Родичеву «участвовать в сословных и общественных собраниях и выборах и подвергаться избранию на оных». На докладе Николай II написал: «Согласен. Я чрезвычайно удивлен и недоволен этою неуместною выходкою 35 гласных губернского земского собрания. Хорошо тоже смотрят уездные предводители»³⁰. О своем отказе представить императору адрес и о высочайшей резолюции Дурново уведомил тверского губернатора П. Д. Ахлестышева³¹. Принимая 15 января 1895 г. представителей земского самоуправления, И. Н. Дурново сказал: «Очень жаль, что в Твери разыгрался такой печальный инцидент в земском собрании. Государь недоволен поведением Тверского земства». Министр выразил надежду, что «в предстоящих еще земских собраниях ничего подобного не повторится»³².

Д. А. Андреев, развивая выводы К. Я. Здравомыслова³³, И. В. Лукоянова³⁴ и И. С. Розенталя³⁵, доказал, что инициатором речи, произнесенной Николаем II

²⁷ Шлемин П. И. Земско-либеральное движение и адреса 1894–1895 гг. // Вестник Московского университета. Серия IX. История. 1973. № 1. С. 60–73; Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977. С. 158–161.

²⁸ Андреев Д. А. Самодержавие на переломе. С. 210.

²⁹ Родичев Ф. И. Из воспоминаний // Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 41.

³⁰ Андреев Д. А. Самодержавие на переломе... С. 195.

³¹ Шаховской Д. И. Адресы земств 1894–1895 гг. и их политическая программа // Шаховской Д. И. Избранные статьи и письма. 1881–1895. М., 2002. С. 92.

³² Савельев А. А. Земство и власть. Из истории местного самоуправления в России. Арзамас, 1995. С. 32.

³³ Здравомыслов К. Я. Из черновых бумаг К. П. Победоносцева // Красный архив. 1926. Т. 5 (18). С. 203–207.

³⁴ Лукоянов И. В. Проекты изменения государственного строя в России в конце XIX — начале XX в. и власть (Проблема правого реформаторства): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993. С. 50–53.

³⁵ Розенталь И. С. «Слышались голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями». Варианты речи Николая II 17 января 1895 г. // Исторический архив. 1999. № 4. С. 213–219.

17 января 1895 г., и автором ее первоначального проекта был именно К. П. Победоносцев³⁶. Однако данное обстоятельство свидетельствовало не столько об идейной близости царя и обер-прокурора, сколько о том, что Победоносцев «пользовался репутацией наиболее выдающегося официального стилиста»³⁷. Действительно, еще при Александре III обер-прокурор «считался образцовым стилистом в составлении манифестов», и потому «государь посылал их на его редакцию и обыкновенно соглашался со всеми поправками строгого цензора»³⁸.

При составлении текста речи 17 января 1895 г. К. П. Победоносцев, по мнению Д. А. Андреева, ориентировался на Манифест Николая I от 13 июля 1826 г. «О совершении приговора над государственными преступниками», то есть над участниками восстания декабристов³⁹. Однако, как представляется, в данном случае Победоносцев вспомнил речь Александра II, который во время состоявшегося 11 мая 1856 г. в Варшаве приема предводителей дворянства, сенаторов и высшего католического духовенства Царства Польского сказал по-французски: «Я заключаю вас в сердце своем, как финляндцев и как прочих моих русских подданных, но хочу, чтобы сохранен был порядок, установленный моим отцом. Итак, господа, прежде всего оставьте мечтания!» Слова «Point de reveries» царь произнес дважды и далее продолжил: «Счастье Польши зависит от полного слияния ее с народами моей Империи. То, что сделано моим отцом, — хорошо сделано, и я поддерживаю его дело. <...> Верьте, господа, что меня одушевляют лучшие намерения. Но ваше дело — облегчить мне мою задачу, и я снова повторяю: господа, оставьте мечтания! Оставьте мечтания!»⁴⁰ Солидаризируясь 17 января 1895 г. с «незабвенным родителем», Николай II, как и Александр II 11 и 15 мая 1856 г., соблюдал фикцию династической преемственности.

Д. А. Андреев согласился с Ю. Б. Соловьевым в том, что опубликованная им записка К. П. Победоносцева «о необходимости сохранить самодержавие во всей силе» была написана обер-прокурором в связи с речью 17 января 1895 г.⁴¹, но считает, что она адресована не Николаю II, а Александре Федоровне, поскольку написана по-французски⁴². Однако можно утверждать с большой долей вероятности, что записка, на которую царь наложил резолюцию «Отлично», является не чем иным, как текстом статьи обер-прокурора для некой французской газеты. Победоносцев достаточно активно публиковал статьи в зарубежной прессе, что не было секретом для его современников⁴³, причем особое гостеприимство обер-прокурору оказывала французская пресса⁴⁴. Более того, Победоносцев переписывался с такими политическими деятелями Франции, как лидер радикал-социалистов Л. Буржуа, который содействовал изданию в Париже французского перевода «Мо-

³⁶ Андреев Д. А. Самодержавие на переломе. С. 191–203.

³⁷ Таганцев Н. С. Пережитое: в 2 вып. Вып. 1. Пг., 1919. С. 38.

³⁸ Кривенко В. С. В Министерстве Двора. Воспоминания. СПб., 2006. С. 224.

³⁹ Андреев Д. А. Самодержавие на переломе. С. 203–204.

⁴⁰ Татищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование: в 2 кн. Кн. 1. М., 1996. С. 233–234.

⁴¹ Соловьев Ю. Б. Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974. С. 313, 314.

⁴² Андреев Д. А. Самодержавие на переломе. С. 205.

⁴³ Открытое письмо от группы земских деятелей // Освобождение. 1902. № 1 (18 июня). С. 13.

⁴⁴ Полунов А. Ю. К. П. Победоносцев в оценках французских публицистов и ученых конца XIX — начала XX в. // Отечественная история. 2007. № 6. С. 138–144.

сковского сборника»⁴⁵. В правом верхнем углу «записки Победоносцева» имеется помета: «№ 107 за [18]95», то есть, очевидно, указывается номер французской газеты, в котором статья была опубликована. Характерно, также, что в ней содержится апология реформаторских царствований Петра I Великого и Александра II Освободителя и критика «правительства партий», «парламентарных форм», или парламентаризма, а не дуализма, и «фальшивого» и «доктринерского либерализма»⁴⁶, что подразумевало существование либерализма «истинного» и «прагматичного».

А. П. Извольскому было известно «из совершенно достоверного источника», что проект речи стал «предметом живейших обсуждений между императором и его советниками». «Николай II, — вспоминал дипломат, — колебался резко обрывать отношения с делегатами земства и был склонен к более мягкому ответу, но его советники, возглавляемые Победоносцевым, убедили его в том, что память отца обязывает твердо придерживаться традиций предшествующего царствования и что он должен положить предел всяким либеральным претензиям»⁴⁷. Свидетельство Извольского соотносится с тем, как отразил события 17 января 1895 г. в дневнике сам Николай II, который записал в конце этого дня: «В 12 ½ поехал с Аликс в Зимний. Завтракали у Ксении и Сандро. Был в страшных эмоциях перед тем, чтобы войти в Николаевскую залу, к депутациям от дворянств, земств и городских обществ, которым я сказал речь. Потом начался прием депутатий, каждой в отдельности в Концертн[ой] зале. Приехали домой в 4 ч. Гулял в саду с д[ядей] Сергеем»⁴⁸.

Выступая 17 января 1895 г. перед представителями дворянского, земского и городского самоуправления в Николаевском зале Зимнего дворца, Николай II заявил: «Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верно-подданнических чувств. Верю искренности этих чувств, искони присущих каждому русскому. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный, покойный родитель»⁴⁹. «Речь, — отмечал земский деятель А. А. Савельев, — существенно не отличалась от напечатанной впоследствии в газетах, но в ней было несколько слов прибавлено». Согласно Савельеву, Николай II прибавил после первого предложения: «Для принесения поздравлений с бракосочетанием», а в конце сказал «как бы вызывающим тоном»: «Я говорю это громко и открыто». Вообще же речь была произнесена «твердым и довольно суровым голосом»⁵⁰. Что же, собственно, в январе 1895 г. Николай II понимал под «самодержавием», и свидетельствовал ли его ответ об отказе от учреждения в России конституционной монархии с народным представительством?

Для того, чтобы разобраться в этом, необходимо обратиться к реакции на выступление самодержца со стороны германского императора Вильгельма II, с кото-

⁴⁵ Гурвич С. Н. *Радикал-социалисты и рабочее движение во Франции в начале XX в.* М., 1976. С. 36, 37.

⁴⁶ Соловьев Ю. Б. *Начало царствования Николая II...* С. 311, 312, 314, 317, 318.

⁴⁷ Извольский А. П. *Воспоминания.* М., 1989. С. 161–162.

⁴⁸ *Дневники императора Николая II.* Т. 1. С. 182.

⁴⁹ *Николай II. Полное собрание речей.* 1894–1906. СПб., 1906. С. 7.

⁵⁰ Савельев А. А. *Земство и власть.* С. 33.

рым Николай Александрович уже в 1889 г. был «на ты»⁵¹. Более того, в известной степени августейшие кузены являлись единомышленниками. Так, император напомнил царю 8 ноября 1894 г.: «Мы оба прекрасно знаем, каковы наши политические взгляды». В письме же от 4 января 1898 г. Вильгельм II писал Николаю II, что у них «одни и те же основные взгляды» на то, как «следует выполнять задачу», возложенную на них «Царем всех царей»⁵². Реагируя 7 февраля 1895 г. на царскую речь и имея в виду кончину Александра III, Вильгельм II обращался к российскому монарху: «С тех пор, как миновали печальные недели, выпавшие на твою долю, многое произошло в Европе. <...> Франция внезапно переменила и своего главу, и свое правительство... <...> Мой Рейхстаг держит себя из рук вон скверно... В Англии министерство плетется к падению, сопутствуемое насмешками всех. Словом, всюду требуется, чтобы “*principe de la monarchie*” (монархический принцип (фр.). — С. К.) проявил свою силу. Вот почему я так обрадован превосходной речью, которую ты недавно произнес перед депутациями в ответ на просьбы о реформах. Это было очень кстати и повсюду произвело глубокое впечатление»⁵³.

Неверно на основании приведенной цитаты полагать, что Вильгельм II являлся принципиальным противником конституции и народного представительства, упразднить которые ни в Пруссии, ни в Германской империи он никогда не планировал. Данная цитата лишь доказывает, что Вильгельм II, а значит, и Николай II, понимал под самодержавием не абсолютизм, а принцип монархического суверенитета или монархический принцип, который противопоставлялся принципу народного суверенитета, воплощенному в республиках, и подразумевал, что единственным источником государственной власти в любой монархии (безразлично — абсолютной или конституционной) является монарх, а не народ. Более того, монархический принцип не исключал сосуществования монарха и народного представительства в рамках дуалистической системы (как в Германии), не говоря уже о парламентарной системе (как в Англии). В царской речи 17 января 1895 г. содержится отрицание не идеи народного представительства, а парламентарной системы, парламентаризма, причем одновременно признается совместимость «блага народного» и «начала самодержавия», которые трактуются не как противоположные полюса, а как взаимозависимые факторы. В этом контексте «благо народное» невозможно без утверждения «начала самодержавия» и наоборот — «начало самодержавия» должно служить «благу народному». Соответственно, под самодержавием Николай II понимал не абсолютизм или деспотизм, а принцип монархического суверенитета, лежавший в основе не только неограниченных, но и ограниченных, конституционных монархий. Данное предположение подтверждается и анонимной передовой статьей «Речь Государя», которая была опубликована в «Новом времени» 18 января 1895 г. и проигнорирована Д. А. Андреевым.

Отметив, что своей речью царь подтвердил «незыблемость исторической основы нашего государственного строя», автор этой передовицы писал: «Речь Государя, сказанная депутациям, отличается большою твердостью. Самодержавие — та исконная форма правления, которая создала нынешнюю Россию». «Мечтания об

⁵¹ Ламздорф В. Н. Дневник 1886–1890. Минск, 2003. С. 107.

⁵² Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878–1918. Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914 гг.; Бисмарк О. Вильгельм II. Воспоминания и мысли. М., 2007. С. 263, 285.

⁵³ Там же. С. 265–266.

участии земства в управлении государством» характеризовались как «конституционные замашки», которые «остаются, само собою разумеется, беспочвенными в государстве самодержавном, где не только царствует, но и управляет один монарх, где не может быть иной политической партии, кроме родины, и иного руководителя ее, кроме монарха». Тем самым объяснялось, что 17 января 1895 г. Николай II выступил прежде всего против парламентаризма, а не против конституции и народного представительства, поскольку монарх «царствовал, но не правил» именно при парламентаризме. Земскому самоуправлению указывалось на то, что оно «есть весьма определенная величина, имеющая в самодержавном государстве отграниченный круг занятий и работы, наряду с администрацией, круг занятий, где оно облагает население налогами и управляет хозяйственной частью некоторых отраслей жизни». Иными словами, политические тенденции земства противоречили его компетенции, ограниченной действовавшим законом исключительно местными делами, хотя земством иногда называлась «вся земля в те времена, когда русские цари утверждали и развивали свое государство, совещаясь с Боярской думой и выслушивая мнения случайных или заранее намеченных представителей ее». Более того, самодержавие, полагал автор передовицы, «никогда не исключало и не исключает мнений, которые указывают на определенные потребности, на очередные задачи и дела». Данная точка зрения подтверждалась напоминаниями о «древней истории» и ее «чисто совещательных Земских соборах, состоявших, большею частию, из людей, правительству известных», и об «екатерининской комиссии», то есть об Уложенной комиссии 1767 г., материалы которой вышли в свет под «непосредственным покровительством» Александра III. Наконец, обращалось внимание на то, что «вот уже почти сорок лет, как призываются в Петербург по разным вопросам, иногда чрезвычайно важным, представители разных общественных групп и сообщая с администрацией обсуждают назревшие нужды». Тем самым перекидывался мост к началу царствования Александра II и эпохи Великих реформ, когда представители с мест посылались в Петербург для подготовки самой великой из них — освобождения крепостных крестьян. «Естественно, — указывалось на совместимость самодержавия и реформаторской политики, — что в этом направлении возможно идти впредь, не затрагивая начала самодержавия, которое для такой огромной страны, заключающей в себе множество народностей, есть самая объединяющая, самая русская форма правления. Это единство, цельность и нераздельность власти для блага народного, для блага всех и каждого, без различия веры, племен и сословий. Как бы ни были свободны мнения, все интересы частные, все права и привилегии особые, все, что не есть потребность и благо народа в его целом — все это на пути самодержавной власти не должно становиться помехою и не может в чем бы то ни было умалить эту власть»⁵⁴.

В адресе Тверского губернского земского собрания говорилось: «Мы питаем надежду, что с высоты престола будет услышан голос нужды народной»⁵⁵. И передовица «Нового времени» заканчивалась ответом на призыв тверских земцев: «Слова Государя о том, что все силы свои Он посвятит народному благу, оставляют твердое убеждение, что нужды народные будут непрестанно доходить до престола и нахо-

⁵⁴ Речь Государя // Новое время. 1895. № 6785 (18 января). С. 1.

⁵⁵ Родичев Ф. И. Из воспоминаний. С. 39–40.

дять в сердце Государя обильный источник доброты и мудрости»⁵⁶. Неудивительно, что, по наблюдениям князя Д. И. Шаховского, «в царской речи нельзя найти ни слова возражения против самых крайних из высказанных в земских адресах и в земских собраниях взглядов». Либеральный публицист находил это очевидным, раз «на другой же день после произнесения ошеломившей большинство публики речи в таком органе, как “Новое время”, было весьма резонно выяснено, что слова царя, в сущности, не противоречат высказанным земствами пожеланиям»⁵⁷. В 1890-е гг. издатель и редактор «Нового времени» А. С. Суворин публиковал в данной газете то, о чем заведомо знал, что по словам графа С. Ю. Витте, это «будет встречено свыше одобрительно»⁵⁸, и потому передовица выражала мнение не только ее автора, но и Николая II. К сожалению, дневники Суворина за 1894–1895 гг. не сохранились или не обнаружены, однако по его записям за предшествующие и последующие годы видно, что журналист тесно общался с корреспондентом «Нового времени» В. С. Кривенко⁵⁹. Последний, одновременно занимая должность начальника Канцелярии придворного ведомства, являлся правой рукой министра Императорского двора графа И. И. Воронцова-Дашкова, заведующим в том числе и отношениями шефа с прессой⁶⁰. Николай II принимал Воронцова-Дашкова 12 и 14 января 1895 г.⁶¹, и не исключено, что именно в эти дни царь общался с графом относительно содержания статьи, намеченной к публикации в «Новом времени».

Примечательно и другое: в салоне генерала Е. В. Богдановича 13 марта 1895 г. цензор В. В. Назаревский «с удивлением» воспроизвел следующий рассказ члена Совета Главного управления по делам печати МВД Д. М. Позняка. Российское телеграфное агентство получило из Берлина депешу, содержащую сообщение, опубликованное в прусской официозной газете «Kreuz-Zeitung». В сообщении утверждалось, что, «несмотря на речь царя про образ правления, в России рано или поздно образ правления должен перемениться и быть таким, как и во всех других государствах»⁶². Без ведома Позняка депешу отправили к И. И. Воронцову-Дашкову, видимо, потому что министр Двора отвечал за цензуру всех сообщений о царе. Граф разрешил напечатать депешу, чем Позняк был «поражен», а потому «не решился напечатать». Когда его «спросили» по телефону, почему «депешу не напечатали», Позняк не счел возможным говорить об этом по телефону и попросил у министра Двора «аудиенцию», после которой получил ответ, что «вопрос исчерпан»⁶³. Несомненно, Воронцов-Дашков распорядился напечатать перевод статьи из немецкого источника с ведома Николая II, хотя к появлению нововременской передовицы мог быть причастен и начальник Военно-походной канцелярии царя генерал О. Б. Рихтер, имевший аудиенцию у монарха 12 января 1895 г. непосредственно перед Воронцовым-Дашковым⁶⁴.

⁵⁶ Речь Государя. С. 1.

⁵⁷ Шаховской Д. И. Адресы земств... С. 100–101.

⁵⁸ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания: в 2 т. Т. 2. СПб., 2003. С. 188.

⁵⁹ Суворин А. С. Дневник. Лондон; М., 2000. С. 96, 98, 175, 217, 224, 230, 235, 240, 265, 272, 273, 286, 368, 369.

⁶⁰ Кривенко В. С. В Министерстве Двора. С. 241.

⁶¹ Дневники императора Николая II. Т. 1. С. 181.

⁶² Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 203–204.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Дневники императора Николая II. Т. 1. С. 181.

Вскоре после того, как 15 октября 1895 г. на пост министра внутренних дел вместо И. Н. Дурново, назначенного председателем Комитета министров, заступил И. Л. Горемыкин, историк П. Н. Ардашев узнал «из самых осведомленных источников», что царь «очень жалел о произнесенных им словах» и «долго сетовал на свою горячность», более того, «неоднократно высказывал близким людям свое искреннее сожаление по этому поводу» и «на другой день приехал к старику Рихтеру и крайне взволнованный (“чуть не плакал”) высказывал ему свое сожаление о вчерашней своей “выходке”». «Что они должны подумать? — говорил император генералу, имея в виду членов депутации. — Вероятно, я их очень обидел». «Осведомленным источником» являлся священник Петропавловского придворного собора отец А. А. Дернов, который с 1884 по 1899 г. преподавал Закон Божий детям великого князя Владимира Александровича и общался с Ардашевым в 1895 г. Однако подробности разговора Николая II с Рихтером Ардашев узнал от источника, «еще более осведомленного и близкого к “делу”, чем о. Дернов», не считая «удобным» назвать его в дневнике⁶⁵. Вероятно, что этим источником являлся кто-либо из чинов Военно-походной канцелярии, а может быть, и сам Рихтер, которого Николай II принимал не 18 (как полагал Ардашев), а 19 января 1895 г.⁶⁶ А. Н. Куломзин вспоминал, как после речи 17 января «негодовал буквально весь» Петербург и «как это негодование было громко выражаемо лицами, близко к престолу стоявшими, например, всем составом Военно-походной канцелярии»⁶⁷, значит, и Рихтером. Примечательна и сделанная Ардашевым оценка самокритичности Николая II: «Как ни судить об этом, но, по-моему, этот эпизод прибавляет еще одну симпатичную черту к нравственному портрету нашего молодого монарха, который не боится открыто сознаваться в том, что ему “ничто человеческое не чуждо”, не исключая и ошибок, и — что главное — имеет мужество сознаться в сделанной ошибке, а это великая черта в монархе, да еще неограниченном. Мелкая душа на это неспособна»⁶⁸. Мнение Ардашева тем более показательно, что речь 17 января 1895 г. менее всего подразумевала противопоставление самодержавия и земства.

В феврале 1903 г. профессор А. С. Вязигин, отметив, что Николай II «обещал охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его незабвенный Царь-Миротворец», писал: «Но отсюда вовсе не следует, что самоуправление должно прекратить свое существование. Только теоретики, воспитавшие свою мысль на западных началах, могут утверждать, что самодержавие исключает самодеятельность общества и подавляет народную свободу»⁶⁹. То, что речь 17 января 1895 г. имела в виду не борьбу самодержавия с земством, а их сотрудничество, но в рамках действующего закона, подтвердило состоявшееся вечером этого дня (с предварительного разрешения И. Н. Дурново, а следовательно, и Николая II) собрание около 30 земских представителей от разных губерний. Собрание происходило в здании Петербургской губернской земской управы под руководством ее председателя В. П. Маркова и имело целью обсуждение «общих нужд земства».

⁶⁵ Ардашев П. Н. «Петербургский дневник» и «Петербургские отголоски» // Российский архив. 1999. Т. 9. С. 379.

⁶⁶ Дневники императора Николая II. Т. 1. С. 182.

⁶⁷ Куломзин А. Н. Пережитое. С. 503.

⁶⁸ Ардашев П. Н. «Петербургский дневник»... С. 379.

⁶⁹ Вязигин А. С. Православие — самодержавие — народность // Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма. М., 2008. С. 167–168.

В официальную повестку собрания входили два пункта: 1) об издании свода сведений о деятельности земских учреждений; 2) о необходимости и возможности представителям различных земств собираться для обсуждения вопросов, имеющих общее для всего земства значение. На собрании гласный Петербургского земства К. К. Арсеньев возбудил еще и вопрос об исходатайствовании для земских собраний права непосредственно обращаться к императору, подобно губернским дворянским собраниям, с заявлениями «о непорядах в администрации». В том же составе, но уже как частное, собрание обсуждало данный вопрос и вечером 19 января у гласного Уфимского губернского земства И. Г. Жуковского⁷⁰. Речь 17 января 1895 г. свидетельствовала, что Николай II является противником не земского самоуправления вообще, а вмешательства его органов в политику и их выхода за пределы своей законной компетенции, ограниченной сугубо местными делами, что видно из реакции царя на инцидент, разыгравшийся именно в Уфимском земстве.

На заседании 16 декабря 1894 г. Уфимское губернское земское собрание под председательством уфимского губернского предводителя дворянства А. С. Листовского постановило ходатайствовать перед Николаем II в установленном порядке, то есть через уфимского губернатора Н. Х. Логвинова, о допущении земских представителей к участию в пересмотре Продовольственного устава и включении в состав Сельскохозяйственного совета при Министерстве земледелия и государственных имуществ представителей от всех губернских земств Российской империи. «Уфимское губернское земство, — сообщал в своем всеподданнейшем отчете за 1894 г. Логвинов, — решилось домогаться, чтобы в заседании высших правительственных учреждений были допущены представители всех земств России при суждении о вопросах, касающихся земств, и в частности — об изменении системы народного продовольствия». Напротив этого места Николай II написал: «Каково? Интересно знать, что за милая личность председательствует в губернском земском собрании? К серьезному вниманию министра внутренних дел». В марте 1895 г. И. Н. Дурново сообщил уфимскому губернатору, что «земства могут касаться лишь предметов, предоставленных их управлению исключительно с точки зрения той территориальной единицы (губерния, уезд), на которую распространяется их сфера действия». Однако в июне 1896 г. на заседании Комитета министров новый руководитель МВД И. Л. Горемыкин заявил, что Логвинов «придал всему делу не надлежащий характер» и, «не усматривая в виду сего достаточных оснований считать, что Уфимское земство домогается вмешательства в дела общегосударственного значения», заключил: «... в принятии каких-либо дальнейших по сему предмету мер не представлялось бы необходимости»⁷¹. Попросту говоря, дело об Уфимском земстве Горемыкин спустил на тормозах, и это произошло при полном одобрении Николая II.

Исследователи прямо-таки демонизировали речь 17 января 1895 г., игнорируя свидетельства таких современников, как, например, писательница В. И. Дмитриева. Оказавшись в Петербурге в феврале 1895 г., то есть уже после речи, она была поражена атмосферой «радужных ожиданий», которыми были преисполнены либерально-интеллигентские круги. По воспоминаниям Дмитриевой, там «только

⁷⁰ Савельев А. А. Земство и власть. С. 35.

⁷¹ Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1894 г. генерал-губернаторов, губернаторов, военных губернаторов и градоначальников. СПб., 1896. С. 237–238.

и слышалось: “Вот погодите, вот будет коронация, вот тогда...”⁷². После царской речи веру в реформаторский потенциал самодержавия сохранял даже Ф. И. Родичев, который в брошюре, изданной за границей в 1895 г., подчеркнув, что «не пропала еще надежда на Государя» и «есть еще готовность объяснить слова 17 января недоразумением», открыто признавал: «Народ русский, масса, не отождествляет еще Царя с чиновниками, не видит в нем притеснителя, а ждет в нем заступника права. <...> Не станем и мы признавать бессмысленной мечтой надежды, что свобода личности, ее счастье и права могут еще быть осуществляемы силой самодержавия»⁷³. Пресловутая речь обрела роковое звучание много позже 17 января 1895 г., и прийти к такому выводу позволяет монография Д. А. Андреева, которая является одним из важнейших историографических событий в области изучения деятельности Николая II как правителя.

References

- Andreev D. A. Kak mechtaniia iz “bezumnykh” stali “bessmyslennymi”: k istorii rechi imperatora Nikolaia II 17 ianvaria 1895 g. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 4: “Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia”*, 2011, no. 2 (20), pp. 36–44. (In Russian)
- Andreev D. A. *Samoderzhavie na perelome: 1894 god v istorii dinastii i vlasti*. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2022, 232 p. (In Russian)
- Gurvich S. N. *Radikal-sotsialisty i rabochee dvizhenie vo Frantsii v nachale XX v.* Moscow, Nauka Publ., 1976, 324 p. (In Russian)
- Kantor R. M. “Istinniaia chepukha”. *Russkoe proshloe*, 1923, vol. 1, pp. 139–140. (In Russian)
- Klei K. *Korol’, kaizer, tsar’. Tri monarshikh kuzena, kotorye priveli mir k vojne*. Moscow, Veche Publ., 2009, 319 p. (In Russian)
- Kulikov S. V. Gosudarstvenno-pravovoi diskurs, imperatorskoe pravitel’stvo i dumskaja oppozitsija v nachale XX v. *Vlast’, obshchestvo i reformy v Rossii (XVI — nachalo XX v.)*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2004, pp. 283–312. (In Russian)
- Lukoyanov I. V. *Proekty izmeneniia gosudarstvennogo stroia v Rossii v kontse XIX — nachala XX v. i vlast’ (Problema pravogo reformatorstva)*. PhD thesis (History). St. Petersburg, [s.n.], 1993, 375 p. (In Russian)
- Pirumova N. M. *Zemskoe liberal’noe dvizhenie. Sotsial’nye korni i evoliutsiia do nachala XX v.* Moscow, Nauka Publ., 1977, 288 p. (In Russian)
- Polunov A. Iu. K. P. Pobedonostsev v otsenkakh frantsuzskikh publitsistov i uchenykh kontsa XIX — nachala XX v. *Otechestvennaia istoriia*, 2007, no. 6, pp. 138–144. (In Russian)
- Rozental’ I. S. “Slyshalis’ golosa lyudei, uvlekavshikhsia bessmyslennymi mechtaniami”. Variantsy rechi Nikolaia II 17 ianvaria 1895 g. *Istoricheskii arkhiv*, 1999, no. 4, pp. 213–219. (In Russian)
- Shlemin P. I. Zemsko-liberal’noe dvizhenie i adresa 1894–1895 gg. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii IX. Istoriia*, 1973, no. 1, pp. 60–73. (In Russian)
- Solov’ev Iu. B. Nachalo tsarstvovaniia Nikolaia II i rol’ Pobedonostseva v opredelenii politicheskogo kursa samoderzhavii. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1972 g.* Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 311–319. (In Russian)
- Tatishchev S. S. *Imperator Aleksandr II, ego zhizn’ i tsarstvovanie*, kn. 1. Moscow, Charli Publ.; Algoritm Publ., 1996, 608 p. (In Russian)
- Vedernikov V. V. Problema parlamentarizma v nelegal’noi publitsistike liberalov (1894–1900-e gg.). *Obshchestvennaia mysl’ v Rossii XIX v.* Leningrad, Nauka Publ., 1986, pp. 215–228. (In Russian)

⁷² Ведерников В. В. Проблема парламентаризма... С. 219.

⁷³ Родичев Ф. И. Первая речь императора Николая II (17 января 1895 года) // Родичев Ф. И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonville, 1983. С. 188–190.

Vodovozov V. V. Predislovie. *Stepniak-Kravchinskii S. M. Sobranie sochinenii, ch. 6*. St. Petersburg, Tip. E. A. Shpakovskogo Publ., 1919, pp. 5–22. (In Russian)
Zdravomyslov K. Ya. Iz chernovykh bumag K. P. Pobedonostseva. *Krasnyi arkhiv*, 1926, vol. 5 (18), pp. 203–207. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 2 февраля 2023 г.

Рекомендована к печати 3 мая 2023 г.

Received: February 2, 2023

Accepted: May 3, 2023